

Николай Андреев

Восьмидесятилетие художника Е. Е. Климова

И в самом деле: литографии Е. Е. Климова, которые из его художественных работ наиболее известны любителям искусства (сейчас вышло уже двадцать альбомов его литографий), демонстрируют его высокое мастерство не только в технике рисунка на камне, но и на цинковой пластинке, когда уже невозможно изменение контура, исправление деталей — на такую технику Е. Е. перешел уже в Канаде.

Как можно определить основные черты и творческие пристрастия Е. Е. Климова в области рисунка и литографии? Конечно, он исходит из того, что зовется реализмом, но у художника свой лирический мир, не чуждый романтической направленности на индивидуальное, часто уходящее в историю, исчезающее на наших глазах, на осколки родного или чужого бытия. Евгений Евгеньевич признается: «...полюбил на всю жизнь Печерский край, Изборск — и их забыть не могу». У нашего юбиляра хорошая память, и по его живой выразительной серии «Встречи» в «Новом Русском Слове» видно, кого и за что именно ценит он, — обычно он вспоминает творчески активных людей, давших нечто окружающим. Как раз на этом принципе построен отбор сделанных им портретных зарисовок — в с е портреты сделаны по инициативе самого художника. Все они показывают «истолкование» автором изображаемой личности. Так, например, Петр Николаевич Савицкий, один из лидеров евразийцев и крупный русский географ и экономист, «раскрыт» в его великой скорби за Россию, — портрет (масло) писался во время войны, с натуры, в Праге. В недавнем альбоме Е. Е. — «Поэты и писатели русского Зарубежья» маслом написаны также портреты поэта Ивана Елагина и прозаика и историка Н. И. Ульянова, — все остальные — карандашные наброски. Один из лучших портретов кисти Е. Е., поскольку мне известны его работы, превосходнейшее изображение графика, великоленного сценического стилизатора, художника и директора Русского музея в Зbrasлавском замке у Праги, Николая Васильевича Зарецкого, одной из живописнейших фигур первой эмиграции. Е. Е. Климов изобразил Зарецкого в собственной его студии, работающим стоя за конторкой-люпитром, — по видимому, он пишет гусиным, как обычно, пером, его мясистое лицо сосредоточено и весьма типично отвисла его нижняя губа. Е. Е. не допустил ни малейшей утрировки, изображая лицо и слегка согбенный контур фигуры Н. В., — он даже удачно слушавал уродливую распухавшего старческого облика, дав интенсивные тона для шлагрофа Зарецкого и всей обстановки его студии. Все, кто знали оригинал, восхищались портретом. Но реакция самого Н. В. Зарецкого оказалась сугубо персональной: он долго вглядывался в картину и вдруг обижено, по-ребячески надул губы: «Какой я старый...»

Много лет позднее, уже в Канаде, работая на биологической станции Рыбного департамента провинции Квебек, Е. Е. нарисовал несколько «портретов» рыб (морского осетра, речного осетра, угря, трески, атлантической сельди), — они были изданы в красках в серии «Рыбы провинции Квебек» (обложка этого издания тоже работы Е. Е.), а морской осетр попал даже в серию открыток «Аквариум Биологического центра Квебека». Е. Е. мимоходом, шутя, отметил: «Портреты рыб писать было легче, — своего рода «идеализированное изображение» в ярких красках. Рыбы не обижались, к тому же...»

Возвращаясь, однако, к зарисовкам писателей и поэтов, я хотел бы особенно выделить портрет Солженицына, сделанный «под мозаику». Несомненно, портрет — художественная удача. Мозаика всегда несколько парадна, торжественна, празднична. В

портретной мозаике обычно подчеркиваются глаза, — «ключ» к «лицу» при таком изображении. В данном случае Солженицын выявлен в его «сущности»: он монументален и одухотворен. Мне удалось видеть несколько зарисовок головы писателя во время его пребывания в Англии и также карандашный набросок, сделанный Е. Е. в Монреале. Все они значительно меньше «выражают Солженицына», чем эта условная, но проникновенная «мозаика».

По портретам мне известных лиц могу заключить, что у художника верная интуиция: спокойная уверенность философа И. А. Ильина, нервная «особитость» Романа Гуля, в каком-то смысле «сверх-определенность» Игоря Чиннова и как бы в поэтическом тумане зыбкое, «бледнолицее» изображение Юрия Иваска — отлично показывают определяющие черты изображаемых, как художественных «объектов». Очень хороши его зарисовки избороского историка А. И. Макаровского и моей матери Е. А. Андреевой (чудесно выявлена ее мудрая, всепонимающая и любящая душа педагога). Занятно, что «новгородская буйность» ее сына «не далась» карандашу художника, который, по крайней мере трижды, через большие промежутки времени делал наброски, его самого не удовлетворившие... Надо, конечно, помнить, что портретист не

нах, уже покосившихся окнах, примитивной лавочке у ворот...

Есть поэтическая устойчивость в этом тихом и чудесном Божьем мире, привлечшем внимание нашего юбиляра. Никакой нарочитости, ни малейшей крикливости, напора, вызова, — мир тишины, гармонии, красок, движения души, но не страстей. В литературе нашего века аналогия климовского творчества находится в прозрачной акварельности прозы Бориса Зайцева. А в художественном плане эта живопись соприкасается с благостным миром иконописи, в ее гармоническом, славословящем духе — «Всякое дыхание да славит Господа».

Е. Е. — испытанный, знающий и воодушевленный иконописец. Хорошо помню большую фреску — Пресвятая Троица — в одноименной церкви в Риге, исполненную Е. Е. вместе с художником Юрием Рыковским. Иконы письма Е. Е. находятся во многих храмах (Риги, Праги, Монреала, Оттавы, Торонто, Лос-Анджелеса и других русских центров), а также в частном владении. Поскольку я видел иконы письма Е. Е., они обнаруживают «почерк», строгий в отношении композиции, точный по рисунку, светлый и радостный по колориту. Ему совершенно чужда «отсебятина» в содержании образов. Они или в линии «иконописных подлинников» или беспорочной традиции. Как будто бы его мало влекут апокалиптические мотивы в иконописи.

Огромный успех у Е. Е. в области расчистки и реставрации икон. Еще в Риге он работал как реставратор, будучи заведующим русского отдела Городского музея. Во время войны он был привлечен к расчистке ряда русских икон, вывезенных беженцами из оккупированных областей России и находившихся для датировки в Археологическом институте имени Н. П. Кондакова в Праге. Расчистки Е. Е. показали высокий уровень мастерства. Кульминацией оказалась расчистка образа Спаса Вседержителя из коллекции Солдатниковых. Икона считается написанной или самим Рублевым или в рублевской традиции. После войны образ был увезен в Москву.

Е. Е. дорожит словами М. В. Добужинского в одном из писем художника к нынешнему юбиляру: «...Хотя Вы и не были моим непосредственным учеником, но я Вас таковым считаю...» В 1976 г. он отредактировал первый том «Воспоминаний» М. В. Добужинского.

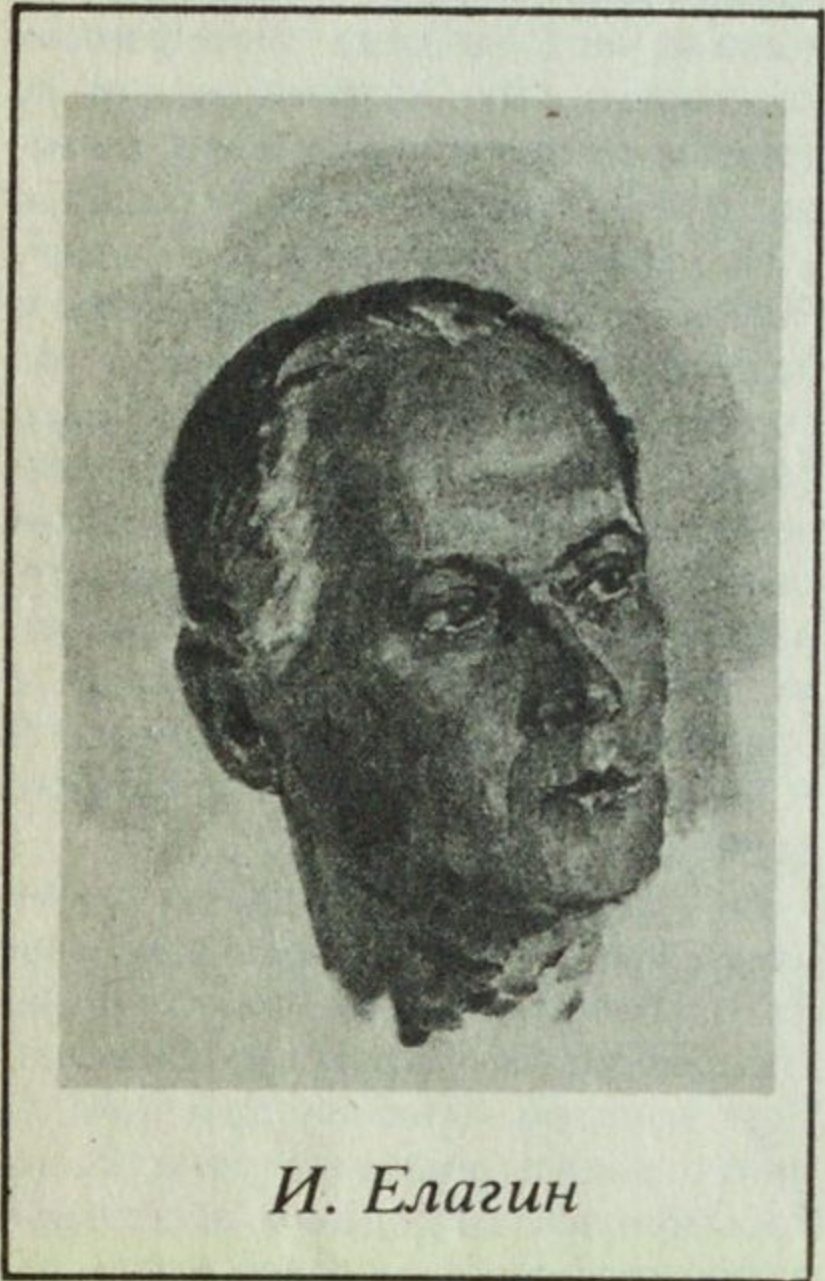
Как искусствовед Е. Е. опубликовал на разных языках немалое количество статей и заметок, главным образом, по истории русского искусства, хотя он хорошо ориентировался в памятниках архитектуры и живописи разных стран (от Италии до Палестины и от Германии до Нового Света). В 1976 году Афинская Академия Художеств пригласила его на несколько недель для художественной работы в Греции.

Е. Е. хорошо известен как неустанный лектор по истории русского искусства и не только в Канаде и в США, но и в разных европейских странах.

Русские статьи его печатаются обычно в «Новом Русском Слове», в «Новом журнале» и в «Записках Русской Академической группы в США». В 1974 году в Нью-Йорке был издан сборник его статей — «Русские художники» с рядом репродукций их работ.

Мне вспоминается первая встреча с Евгением Евгеньевичем, положившая начало взаимному уважению и дружбе на долгие десятилетия. Произошла эта встреча в 1937 году на Труворовом городище в Изборске (тогда бывшем в пределах независимой Эстонии). Я был в научной командировке, занимаясь по поручению пражского Археологического института имени Н. П. Кондакова русскими древностями в Прибалтике. Помню, что, стоя на избороских холмах, я всем существом ощутил «истоки русской истории»: здесь начиналась великая русская равнина, идущая, как холмистое плоскогорье, на восток к Уральскому хребту, а на запад к Варяжскому морю, лесистыми массивами и болотистыми низи-

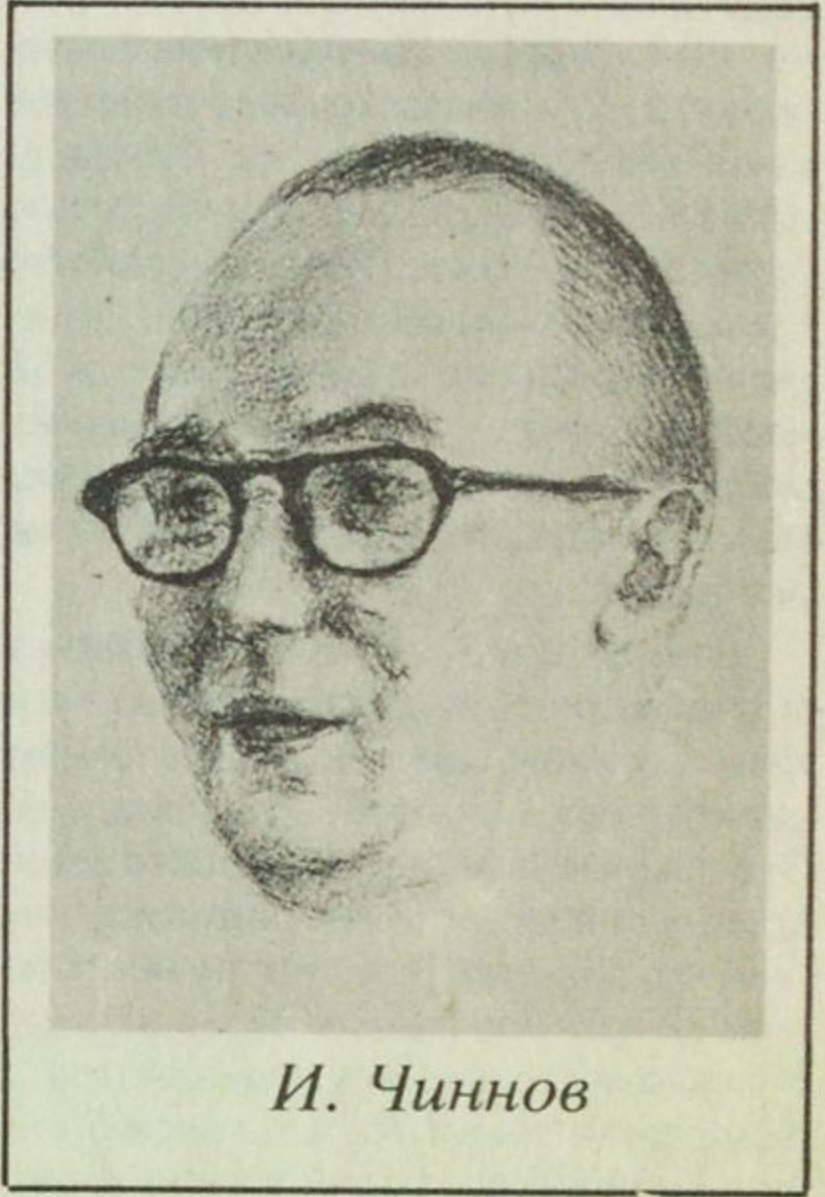
нами ниспадала «немецкая Украина» белоглазой чуди. Начетчик русских летописей и ученых исследований, я на всю жизнь затаил в душе это волнующее историка, почувствовавшего «живой язык географической среды». Как раз в этот момент я заметил высокого серьезного человека, явно не легкомысленного туриста, с походным мольбертом, — он всматривался в огромный каменный крест на Труворовой могиле, где, кстати сказать, нет следов легендарного князя, а покоятся останки воина позднейшей, уже христианской эпохи... Спустя часа два, мы познакомились в гостеприимном домике местного знатока древностей Псковщины, Александра Ивановича Макаровского, замечательно описанного Е. Е. в его «Встречах» в «Новом Русском Слове». Несмотря на разницу в возрасте, свершениях и в профилях образования: Макаровский — заслуженный педагог, директор

И. Елагин

тока родилась мать Е. Е. — семейное предание рассказывает, что, когда семья поехала в 1873 году в Европейскую Россию, путешествие длилось шесть с половиной месяцев... Отец Е. Е. был юрист, мать — полуказачка, профессиональная учительница: у Е. Е. было три брата, все старше его: первый — морской офицер, позднее ставший проницательным антикваром; второй — выдающийся инженер; третий — известный музыкант и музыковед. Все братья Климовы — яркие личности, врезаются в память, все высоко интеллигентны. «Наш младшенький», — как говорили братья о нынешнем юбиляре, тоже высок, высококоб, ладен подтянутой фигурой, благожелательно наблюдателен и воодушевленно устремлен к тому миру линий и красок, которыми полна жизнь, столь любимая художником: «во всех ее проявлениях, будь то материал для портрета, пейзажа или натюрморта». Неудивительно, что столь преданный «всем впечатленным бытия» Е. Е. отчасти относится к современному абстрактному искусству, видя в нем ликвидацию всех элементов художественного мастерства.

Е. Е. родился 8 мая 1901 года в городе Митава (ныне Елгава). Художественное образование получил в Риге, в Латвийской академии художеств, которую окончил в 1929 году по классу проф. Тильберга, ученика проф. Кардовского, получив звание художника-живописца. Еще в Академии Е. Е. обратил серьезное внимание на технику рисунка, что — в конце концов — привело его к занятиям литографией, — своеобразная и нелегкая область художественного творчества. Техника рисунка на камне достигла у Е. Е. высокого уровня. Выпущенный в свет в 1936 году его второй альбом литографий — «Городские пейзажи» — вызвал в парижской печати чрезвычайно лестный отзыв Александра Бенуа, сравнившего литографии Климова с аналогичными работами Добужинского и Верейского. Еще больший отклик получил третий альбом — «По Печерскому краю», с предисловием историка А. И. Макаровского. Отзывы включили много похвальных оценок — и критиков (в том числе П. М. Пильского), и писателей (И. С. Шмелева, Ивана Лукаша, Леонида Зурова), философа И. А. Ильина, и многих других, увенчиваясь опять авторитетными суждениями Александра Бенуа, который считал этот альбом литографий «представляющим крупный интерес как в историческом, так и в художественном смысле»: он хвалил и «чуткость» художника в выборе тем, и технику, выработанную автором.

И. Чиннов

школы; Климов — талантливый, развивший себя художник; Андреев — начинающий академический работник, нас объединяла увлеченность русской историей, которой каждый из нас служил по-своему.

Вспоминаю, как во время войны Е. Е. производил расчистки образа Спаса Вседержителя, выше упомянутого. Время было более чем тревожное. Германцы, предчувствуя конец, делали все более опасными в своем поведении, а к тому же появилась еще новая угроза: налеты союзной авиации. Она могла упразднить навеки Институт и его коллекцию. Мастерство расчистки Е. Е. было доказано на десятках икон. Икона наша считалась старообрядцами «писанием Андрея Рублева». В XIX веке ее «подновили», т. е. ремесленнически «перекрасили», как варварски часто тогда поступали. Институт уже опубликовал икону, — при этом рентген установил наличие нескольких слоев краски. В конце концов я решился: «Е. Е., рискнем на пробу, но подальше от лика». Рискнули... И какой открылся колорит: небесное сияние, позолота, пятнадцатый век... Спустя несколько недель вышел на свет первозданный Господь Вседержитель, — и перед расчищенной иконой в восхищении стояли члены Института и те, немногие, кто приходил работать в институтской библиотеке.

Евгений Евгеньевич, ныне юбиляр, писал мне как-то с присущей ему скромностью: «... работал я всю жизнь в силу разума, а получилось ли что?». Думаю, что не один я, а и все упомянутые в этой статье и сонмы упомянутых могут назвать деятельность Е. Е. Климова подлинным и ценным служением русской культуре, — во всех аспектах его интересов. Ему нередко пришлось творить в утомительном одиночестве, в отрыве от художественной среды, при вежливом равнодушии современного общества к тому, на чем нет печати «сенсационности» или «скандала». Но ему огромную помощь оказала семья: и упомянутые выше братья, а главное — его покойная жена, Мария Клементьевна, которая вместе с двумя сыновьями часто выполняла роль волонтера, смягчая удары бурь «житейского моря». И благодарное эхо его художественных стремлений мы находим у его учеников по краскам, по рисунку, даже по преданности «культурному наследию» России, — черты, запомнившиеся его многочисленным слушателям лекций и созерцателям его «духом чистых и прямых» работ.

Кембридж, Великобритания.